

Соловьев Дмитрий Константинович

ОСНОВЫ ОХОТОВЕДЕНИЯ

Часть 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Константинович С.**
Основы охотоведения: Часть 4 / Соловьев Дмитрий Константинович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 326 с.

ISBN 978-5-519-74729-5

Систематическое руководство к изучению русского охотничьего дела.

ISBN 978-5-519-74729-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА X.

Охотничье население и его быт.

Охотничье население. Группировка охотников на промысловых, полупромысловых и любителей. Численность и социальный состав охотников. Туземные охотничьи племена и их культура. Шаманизм.

Племена Азиатской части СССР. А) Палеазиаты: чукчи, коряки, камчадалы, гилаки, азиатские эскимосы, енисейские остяки, юкагиры, чуванцы, алеуты, айны. В) Урало-алтайцы: 1) Финская группа, 2) Самоедская группа, 3) Тунгусская группа, 4) Монгольская группа, 5) Тюрко-татарская группа.

Племена Европейской части СССР: лопари, зыряне, черемисы, вотяки.

Обычное охотничье право у туземных племен. Охотничьи артели. Охотничья кооперация. Браконьерство.

Охотничье население.

В предыдущих девяти главах мы касались главным образом самих объектов охоты — дичи и зверя или деятельности человека, направленной к добыванию этих объектов. Но, для того, чтобы получить достаточно полное представление об охотничьем деле в целом, нам необходимо, конечно, рассмотреть хотя бы вкратце те группы населения СССР, которые занимаются охотой и для которых она имеет то или иное значение. В вопросах организации государственного охотничьего хозяйства нами, конечно, не может не привлекаться во внимание этнографический облик охотничьих групп, т. к. от культурности, образа жизни, духовного склада, мировоззрений и верований зависит в значительной степени то или иное отношение охотника к использованию охотничьих богатств. Надо признать, что часто это отношение у дикого шаманиста бродячего инородца, гораздо более сознательное и бережливое, чем у культурного жителя города.

Громадное разнообразие племенного состава населения СССР, с чрезвычайно разнохарактерными культурами, не дает нам возможности в кратком описании познакомиться с охотниками всех отдельных национальностей и племен. Мы можем только констатировать присутствие охотников, в той или иной пропорции, реше-

тельно среди всех слоев населения СССР — как в отношении национальностей, так и социальном.

Таким образом в этой главе мы кратко коснемся только тех отдельных племен, для которых охотничий промысел является исключительным или одним из важных средств существования.

Но, прежде чем перейти к их этнографическому описанию, скажем о группировке охотников вообще.

Группировка на промысловых, полупромысловых и любителей. В настоящее время принято разделять всех охотников СССР на три больших основных группы: промысловых или промышленников, полупромысловых и любителей или спортсменов. Подобная классификация, конечно, несколько искусственная и резких границ между этими тремя группами мы не всегда можем провести, но для удобства мы будем пока ее придерживаться.

В прежние время промыслового охотника определяли очень просто — великий, кто был дичь и зверя на продажу и жил этим, считался промышленником, а вместе с тем и хищником, не обладающим „благородной“ охотничьей страстью и достойным всякого презрения со стороны „истинных охотников“. Нелюбовь подобных взглядов ясно сама по себе и, кроме того, они неверны в самой своей сущности, т. к. каждый охотник, к какой бы он группе не принадлежал, обладает ясно выраженной охотничьей страстью, за небольшими исключениями и встречающимися может быть даже чаще в среде так называемых „любителей“.

Мы понимаем под промысловыми охотниками тех, кто или живет исключительно охотничьим промыслом или во всяком случае охота является для него одной из важнейших статей бюджета (не ниже 40—50%). Абсолютная цифра дохода от охоты у промышленников (как мы увидим в гл. XII) играет в определении группы второстепенную роль и подвержена очень сильным колебаниям в зависимости от района. Таким образом абсолютный доход промышленника от охоты в некоторых районах может быть ниже такового же у полупромыслового охотника, но жизненное значение охоты для первого, конечно, выше. Полупромысловым мы называем такого охотника, который, занимаясь охотой в свободное от других занятий время, все же строит на охоте определенные хозяйственные расчеты в размере 5—40% своего общего бюджета.

Мы можем встретить и промыслового и полупромыслового охотника в одном и том же районе, т. к. принадлежность к той или иной группе зависит и от личной или наследственной склонности к тому или иному занятию, и от племенных различий, и от хозяйственного уклада жизни; только по относительному преобладанию той или иной группы мы можем условно называть данный район промысловым или полупромысловым.

Охотники любители имеют в основе занятия охотой прежде всего удовлетворение своей охотничьей страсти, хотя количество добываемой дичи и зверя, особенно в наше время, и интересует его. Иногда охотник-любитель даже продает свою добычу, но делает это для того, чтобы хоть отчасти покрыть издержки по производству самой охоты. Характерным для этой группы является высокая относительно ценность охотничьего инвентаря и превышение суммы общих расходов по производству охоты над ценностью добычи.

Рис. 102. Русские промышленники с р. Ангары (Енис. губ.).
Из снимков Д. К. Соловьева.

Численность и социальный состав охотников. Сколько же имеется всего охотников в СССР, как они распределяются по территории и по группам и каков их социальный состав? Благодаря нашей слабой статистике, мы не можем на эти вопросы ответить сейчас совершенно точно. Имеющиеся данные чрезвычайно разноречивы. Так, например, количество охотников в СССР определялось разными авторами от 800.000 до 10.000.000 человек. Сопоставляя и осторожно анализируя различные данные, мы останавливаемся на цифре в 2.000.000 охотников, считая ее скорее преуменьшенной, чем наоборот. Из этого количества мы считаем промысловых охотников 250.000 человек, полупромысловых, охватывающих главную массу крестьянского населения — 1.250.000 человек, и любителей, главным образом, жителей городов, более значительных поселений и лишь отчасти деревень — 500.000 человек.

Социальный состав охотников в такой крестьянской стране как СССР ясен сам по себе, хотя опять таки точных цифр нет. Данные Всесоюзного охотсоюза не совсем показательны, т. к. Союз пока захватывает более легко объединяемые элементы городских и деревенских жителей и мало еще затронул промысловую (и полупромысловую) гущу населения. Но и по данным Всесоюзного охотсоюза в 1924 году, в нем насчитывалось (при 222.000 членов): крестьян 58,9%, рабочих 14,6%, служащих 16,2%, кочевников 2,5%, других 7,8%. По группам Всесоюзного охотсоюза насчитывал: промысловых охотников 8,5%, полупромысловых 44,6% и любителей 46,9%; отношение последних двух цифр определенно неестественно. Партийный состав Всесоюзного охотсоюза выражается: членов РКП (б.) и РКСМ — 7,3%, беспартийных — 92,7%.

Распределение охотников по территории СССР чрезвычайно неравномерно и подчиняется общим законам расселения человека по земле. Проф. Маслов в своем труде „Теория развития народного хозяйства“ определяет уровень сельско-хозяйственной эволюции как функцию двух переменных — именно, совокупности природных и экономических факторов и пишет: „сопоставляя плотность населения на всей поверхности земного шара с системой хозяйства в соответствующих пунктах, мы найдем, что независимо от степени их экономического развития, данной плотности населения соответствует определенная система хозяйства“.

Эту же мысль проф. Шмоллер выразил в цифрах следующей сокращенной схематической таблицы нормальной плотности населения при различных системах хозяйства:

Системы хозяйства.	Плотность населения на 1 кв. километр	
	от	до
1) Охотничьи и рыбачьи народы в северных областях	0,02 чел.	0,05 чел.
2) Тоже с прибавкой земледелия, как подсобного промысла	0,2 "	0,7 "
3) Кочевое пастушеское хозяйство	0,7 "	1,8 "
4) Переходное хозяйство — от кочевого к оседлому земледельческому	8,4 "	
5) Области экстенсивного переложного земледелия . .	—	8,9 "
6) Земледельческие области с трехпольным севооборотом	17,7 "	85,0 "
7) Земледельческие области в Средней Европе с интенсивным земледелием и развитою промышленностью	70,0 "	106,0 "

Эта таблица показывает, что чем реже население, тем больше значения должен неизбежно иметь охотничий промысел. Действительно, по данным переписи 1917 г. плотность населения в тундре равнялась 0,02 человек на квадрат. версту; в северной тайге плотность повышалась до 1,5; в лесостепи Зап. Сибири до 7,4 и несколько понижалась в более южных районах, доходя до 4,5 чел.

в Горном Алтае и в северных степях (не в пустынях). Для Европейской России (для 1897 г.) соответственно несколько более высокие цифры: тундра — 0,3, таежная зона — 13,5, смешанных лесов — 40,8 и лесостепей западных — 59,4, для восточных — 28,8 чел. на 1 кв. версту.

Наиболее скучены охотники в городах и так как кроме того им приходится тратить совершенно непроизводительно время и деньги на то, чтобы добраться до охотничьих угодий, то становится понятным здесь оскутота вопросов права на охоту на данных участках и полное уничтожение дичи вблизи городских поселений. Нельзя также не отметить того обстоятельства, что городские охотники — рабочие и служащие, выезжая периодически на охоту в деревню, чрезвычайно близко подходят к крестьянству, без сомнения оказывая на него культурное влияние общее и в частности (в охотничьем деле), и совершенно бессознательно часто работают в деле смычки города с деревней.

Туземные охотничьи племена и их культура. На огромном протяжении в Европе и в Азии от финско-норвежской границы до Уральского хребта и от Уральского хребта до Берингова пролива обитают разные инородческие племена. Они представляют целый обособленный мир. Согласно различию их происхождения и образа жизни, есть между ними финны и турки, монголы и палеазиаты, кочевые и бродячие люди, морские звероловы, сухопутные охотники, речные и морские рыболовы и тундренные оленеводы.

Есть между ними совсем обособленные племена, каждое из которых представляет живую загадку и вместе живой ключ к разрешению важнейших проблем этнографии, науки о народах.

При всем первобытном укладе своей материальной и духовной жизни племена эти выработали своеобразную культуру, до совершенства приспособленную к условиям северного климата, к тяжелому игу морозов и снегов, к трагической скудости тундры, беслесной и бесплодной.

Некоторые из отраслей этой полярной культуры существуют исключительно на севере и не имеют подобия в других областях земли. Таковы, например, оленеводство и езда на упряжных собаках.

Другие, возникнув на севере, распространились потом далеко к югу и были позаимствованы у северных людей многими южными народами, в том числе и культурными белыми людьми. Таковы различные приемы и орудия охоты на тюленя и кита.

Хотя и не весьма многочисленные, племена эти представляют единственно наличных и единственно возможных обитателей северной пустыни. Они подвергают ее всестороннему материальному и хозяйственному использованию.

За многие тысячелетия своего обитания в лесу и на тундре они накопили огромный и разнообразный опыт, естественно-технический и даже естественно-научный. Они изучили условия размножения различных звериных пород и время прихода рыбных стай, исходящих из океана в огромные сибирские реки для метания икры. Они знают наперечет всю флору и фауну на море и на суше и в тундре и в лесу.

Если современная техника, действительно хочет сделать своим достоянием своеобразные богатства полярной земли и приобщить их к мировому кругообороту, она может этого достигнуть только при содействии, только через посредство полярных туземцев. Полярные люди сами составляют лучшую часть этого живого полярного богатства. Вместе с многомиллионными рунами лососей и сигов, многотысячными стадами оленей, тюленей и моржей, они представляют живой капитал, созданный самой природой и подлежащий использованию техники.

Самая возможность проникновения русского населения в тундры и развития в них рыбного, горного и других промыслов, тесно связана с существованием сильного, экономически крепкого инородческого населения.

При всей первобытности своей многие из этих племен обладают высокой одаренностью, ремесленно-технической и даже художественной. Их вышивки, рисунки и резьба по дереву и кости могут выдержать сравнение с лучшими образцами. Их былины и сказания проникнуты высоким напряжением поэтического творчества.

Они носят в себе возможность подняться на высшую ступень и усвоить начала более развитой культуры, если только эта культура сумеет подойти к ним не с хищническими приемами, а найдет для этого более человеческие и мягкие, разумные постепенные пути.

Между тем история отношений северных инородцев с более южными культурными народами представляет сплошное мученичество, тяжелый и кровавый мартиролог. Русские пришельцы продвинулись на Каму и Печору и оттуда прошли на восток до самого Берингова пролива на поиски за цепными мехами. Сибирские казаки и спутники их, „промышленные люди“, покорили огромную Сибирь, подобно испанским конкистадорам, покорившим Америку. Они шли вперед, за цепным собольим ясаком, несколько не менее ценным, чем лучшее американское золото.

С „огненным боем“ в руках, неуклюжей фитильной пичалью, они наводили панический ужас на робких инородцев. Они призывали чужие племена „покориться под высокую государеву руку и принести ясак“. Кто не хотел покориться, погибал от огня и меча. Гибли поселки и стойбища и целые большие околотки и даже целые племена.

Казачьи отписки воеводам пестрят сообщениями: „И бог нам помог, мы тех людей побили до смерти, и острожек сожгли, и жен и детей исленили до конца“.

К покоренным туземцам, в виде носителей культуры, явились чиновники и торговцы. Чиновник взыскивал тот же государев ясак все более непосильный по мере оскудения пушного зверя. Торговец соблазнял невиданными русскими товарами, и к кабале административной прибавлял и торговую кабалу. Они приносили страшный спирт и не менее страшный сифилис, целую серию заразных болезней, оспу и грипп, скарлатину и корь.

Но страшнее всего они приносили произвол. Вся жизнь первобытных племен, матерьяльная и духовная, индивидуальная и общественная, была изуродована.

На основную общественную организацию первобытных племен, весьма простую и насквозь демократическую, наложилась полная казенная организация, созданная сверху для фискальных надобностей. Были учреждены особые волости, со старостами, со старшинами, и в настоящее время почти невозможно под этой казенной сетью найти первоначальную общественную ткань. Иностранцы стали предметом всяческих опытов, среди них насаждали и православие, и грамотность, и школу, и церковь упрощенными российскими и сугубо упрощенными сибирскими способами. Их переводили с одного места на другое, например, с западного берега Камчатки на восточный, с Алеутских островов на Командорские. И под этими сугубыми воздействиями они только сугубо вымирали. Их старались даже всячески благодетельствовать. Еще до последней войны на северной Камчатке начальство насаждало принудительно разведение картофеля. И оседлые коряки перед каждым приездом исправника запасали с юга картофель, выменивая его на сушеную рыбу для того, чтобы выдать его за свой собственный. Они привозили также и картофельную ботву и обтыкали гряды ею для большего правдоподобия.

На современном социалистическом правительстве, вышедшем из недр революции, лежит по отношению к инородцам трудная обязанность вывести их из униженного и рабского состояния, пробудить в них самостоятельность и, таким образом, повести их на путь приобщения к более глубокой культуре. Нужно глубокое, взвешивающее отношение к вопросу об устройстве вымирающих туземных охотников, надо любить, знать и понимать быт и психологию этих маленьких племен — осколков первобытной культуры.

Между тем уже известно, что в 1921 г. над инородцами производились хозяйственные эксперименты людьми, совершенно незнакомыми с условиями жизни населения. Такие эксперименты в корне подрывали самые источники существования населения

севера и грозили разрушить всякую надежду на лучшее будущее этого края.

Невежественные агенты подходили к инородцам с старым лозунгом: „давай“. Брали у них рыбу и сети, пушнину и дичь, убивали оленей на мясо, не во время и в слишком большом количестве, нисколько не соображаясь с природно-хозяйственными условиями, а в виде награды и натуральной премии предлагали сравнять их с местными русскими, слить и перемесить их со всеми соседними гражданами вплоть до раздела оленей по числу наличных душ и перевода самих инородцев на месячный паек. Слияние с русскими без всяких оговорок есть смерть для инородцев, и в правительственных кругах в настоящее время это осознано полностью.

Рис. 103. Вогулы Пермской губ. Летняя юрта из бересты.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

Убивать оленей без всякого соображения, как это практиковалось в 20-м году, значит тоже, что резать курицу, несущую золотые яйца. Ягель, которым питаются олени, растет непрерывно и может возродиться от самого небольшого кусочка, но если вытоптать его не во время и через меру, пастбище засохнет на тридцать лет и возродится лишь трудно и медленно.

Такие необдуманные действия были особенно печальны потому, что именно от северной тундры, от ее неистощенных, неизведанных животных богатств оскудевшая СССР могла бы получить желанную поддержку. Огромная СССР больна прежде всего сокращением животноводства. Для того, чтобы создать ей помощь с севера, нужно усиленно разводить, а никак не усиленно колоть инородческих оленей.

Основные принципы рабочего и крестьянского правительства требуют, чтобы собственные силы инородцев получили возможность проявиться и развиться и так развернуть свое творчество в деле создания новой жизни через них и для них.

То, что делалось до 1922-го года, особенно печально еще потому, что та примитивная тяга к экономическому коммунизму и общественному братству, которая живет в глубине всякой первобытной культуры, не имея возможности при создавшихся условиях выявить себя и принять новую активную форму. Ее подменяли разделом, а в сущности экспроприацией.

О самой культуре инородцев, об их хозяйственном быте, промыслах и способах существования мы имели слабое понятие, а тем менее знали о происходящих изменениях в их жизни, между тем изменения эти происходили как в прошлой их жизни, так происходят и теперь. Это переходное движение и развитие культуры, постепенные шаги от первобытной стадии к более высокой, переходы от охотничьей жизни к кочевой и от кочевой к полuosедлой происходит совершенно естественно, без всякого побуждения; они совершались издавна, и русские, придя в Сибирь, застают уже инородческие племена полuosедлыми. Нечего говорить, что кочевники, лесники, многие охотники, звероловы, рыболовы, далеко ушли от первобытного положения дикаря и от периода каменного века, хотя отстатки и привычки от пережитых эпох и могли сохранять. Во всяком случае, наши инородцы не могут сравниваться с дикарями Австралии и Полинезии и представляют уже известную стадию развития и культуры.

Обращаясь к современной картине инородческого быта, мы видим, что по образу жизни и занятиям они разделяются на бродячих охотников, они же обыкновенно оленеводы; таковы самоеды и остяки, (часть их рыболовы), по Оби и в Нарымском округе; к охотникам и рыболовам мы должны причислить и вогулов. В Восточной Сибири к этой группе относятся самоеды, тунгусы, карagasы, юраки, камчадалы и многие манджурские племена Амура. В этой охотничьей группе мы однако видим уже разные стадии и формы быта. Жизнь самоеда крайнего севера нельзя сравнивать с жизнью вогула и нарымского остяка. Последние представляют тип полuosедлого охотника и рыболова. Также сильно отличается от самоеда лесной житель Алтая и Кузнецкого Алатау. Эти инородцы носят все задатки лесной полuosедлой культуры, несмотря на свой охотничий промысел, и представляют весьма близкую стадию к оседлому быту. Как у тех, так и у других охотников Сибири мы видим кроме переносных палаток зимовки, землянки, „ко-рамо“ остяцкие, „яйлу“ в Алтае, наконец, срубы, подобие изб и т. п.

Что касается кочевников, номадов или скотоводов, раскинувшихся в южных степях, то и здесь мы видим различные переходы

и ступени кочевого быта. Нечего говорить, что самое кочевое, хозяйство, основанное на эксплуатации прирученного домашнего скота — овцы, коровы, лошади и верблюда, представляют уже высшую стадию культуры сравнительно с охотником, и услуги, оказанные кочевым хозяйством в истории человечества, несомненны; без этой стадии не могло быть поступательного движения вперед. Полуседлые лесные жители, приблизившиеся почти к оседлому быту, принесли из кочевого быта домашнее животное в свои леса, а это животное явилось помощником и новой силой в культуре.

Сами кочевники и номады не пахотятся в застое, быт их с веками и с переменой места изменяется. Кочевание среди приюльных степей центральной Азии в древние времена представляло более раздолбя и было более подвижно. На севере, близ границы Сибири, оно должно было измениться по климатическим условиям и потребовало зимнего перерыва; точно также кочевки и перекочевки изменяются в горах и пределы кочевания изменяются, суживаются; еще более перемен мы видим в лесах. Киргизы и буриты ныне представляют особые формы кочевого быта; они строят зимовки, останавливаются на зиму и могут считаться полукочевым племенем. Еще более задатков оседлости представляют якуты-скотоводы, имеющие зимние жилища, избы, и, наконец, еще ближе к оседлому быту балкиры, живущие деревнями.

Далее, рассматривая занятия инородцев, мы видим, что каждый промысел в отдельности совершенствуется с течением времени: у охотника мы видим переходы от лука к ружью, винтовке, у кочевников лучшие способы ухода за скотом, заготовку сена, чего прежде не было у бурит, якутов, алтайцев. Мало того, в самой ранней стадии у кочевников и лесных жителей мы находим задатки земледелия и хлебопашества. Многие народы до пришествия русских умели сеять хлеб. В лесах Алтая и у кочевых алтайцев-скотоводов мы нашли первобытное земледелие и первобытные земледельческие орудия. Каждое занятие инородца и его промысел были обусловлены климатом, физическими условиями страны, естественными произведениями и свойствами, благоприятствовавшими развитию той или другой формы хозяйства. Культурный прогресс стоял, поэтому, в зависимости от этих условий. Мы видим, что инородцы во многих местах приблизились к форме оседлого хозяйства помимо всякого внешнего принудительного влияния, и это доказывает вполне их способность к развитию высших форм культуры. Обращая внимание только на низшие формы быта, видя полудиких звероловов или кочевников, постоянно переменивших места, мы составили себе самое ложное представление о быте инородцев, признали, что формы эти постоянны, неподвижны из века в век, обвинили инородца в косности, в упрямстве, в неспособности делать